

В. И. ЕРМОЛОВИЧ

**ВЛИЯНИЕ НОРМ ВОСТОЧНОГО РИМСКОГО
ПРАВА НА РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ, СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (X–XV вв.)**

В статье автором показан процесс развития права в средневековых государствах Центральной и Восточной Европы. Автор аргументированно показал, что право молодых государств Центральной и Восточной Европы (Сербии, Болгарии, Великой Моравии, Венгрии, Польши, Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и русских княжеств) реципировало ряд норм и институтов законодательства императора Юстиниана, «Эклоги» и «Земледельческого закона». Рассмотрен процесс влияния норм восточного римского права на становление средневекового права русских земель и Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского, в частности, данная тенденция прослеживается на примере Пространной редакции «Русской Правды», «Псковской Судной грамоты» и Белорусской редакции «Кормчей Книги». Проведен системный и сравнительный анализ институтов обязательственного, наследственного и брачно-семейного права в законодательстве средневековой Сербии, государств Центральной и Восточной Европы и источниках восточного римского права.

Ключевые слова: нормы права; институты права; правоспособность и дееспособность физических лиц; обязательственные отношения; наследование; страны средневековой Центральной и Восточной Европы.

УДК 34 (47) (091)

Важным и, пожалуй, определяющим фактором в развитии отечественного права средневековой Сербии, стран Центральной и Восточной Европы становится рецепция норм восточного римского права, которое в рассматриваемый исторический период было уже адаптировано к условиям жизни феодального общества. Проблема рецепции норм римского и восточного римского права в правовые системы отдельных средневековых стран Центральной и Восточной Европы уже достаточно давно нашла свое отражение в исследованиях историков права Болгарии, Сербии, Чехии, России и Беларуси, в частности, в работах М. Андреева, Д. Ангелова [1], С. Новаковича [2; 3], А. Соловьева [4], Ю. Белого [5], В. Ваничека [6], Г. Розенкампа [7], И. Срезневского [8], Я. Шапова [9], В. Ермоловича [10; 11]. Однако комплексный анализ механизма рецепции норм восточного римского права в законодательство средневековой Сербии и стран Центральной и Восточной Европы (X–XV вв.) предпринимается нами в данной работе впервые.

К числу первых источников римского и восточного римского права, которые были реципированы в право молодых стран Центральной и Восточной Европы, следует относить законодательство императора Юстиниана, «Эклогу» и «Земледельческий закон». На это нам указывают сохранившиеся древние списки названных правовых источников в болгарской и сербской редакциях.

Виктор Иванович ЕРМОЛОВИЧ (jermalovich7@gmail.com), кандидат исторических наук, доцент кафедры международного экономического права Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

Например, достоверно установлено, что в IX в. н. э. в болгарском, сербском и великоморавском раннефеодальных государствах уже действовали правовые нормы восточной римской «Эклоги», т. е. «избранные законы империи, составленные в сокращении Львом и Константином, мудрыми и благочестивыми императорами, из Институций, Дигест, Кодекса и Новелл — Конституций великого Юстиниана с внесенными в них исправлениями в духе большого человеколюбия...» [12, с. 41]. «Эклога» была составлена и обрела юридическую силу как свод законов в 726 г. н. э. по приказу императора Льва III [13, с. 45]. На протяжении нескольких столетий «Эклога» рассматривалась как собрание действующих норм гражданского, уголовного и процессуального права не только в Восточной римской империи, но в Болгарии, Сербии и на территории Великой Моравии (Чехия). Более того, на базе правовых норм «Эклоги» в IX в. н. э. были созданы славянские отечественные источники права. В указанный период на территории Болгарии, Сербии и Великой Моравии появляется «Закон Судный людем». Уже первые исследователи «Закона Судного людем» установили, что его первоисточником послужил титул XVII римской «Эклоги» [14, с. 40]. Составитель «Закона Судного людем» использовал и ряд других источников, например, «Кодекс Феодосия», «Правила Василия Великого» [14, с. 40].

«Закон Судный людем» дошел до нас в двух редакциях: краткой, состоящей из 32 статей, и полной, имеющей 77 статей [13, с. 47]. Краткая редакция «Закона Судного людем» является источником более раннего происхождения. Данный факт был установлен около века тому назад болгарским ученым Г. Т. Данаиловым. Результаты своего исследования он изложил в работе «Единственный памятник древнеболгарского права: «Закон Судный людем», которая увидела свет в 1901 г. в г. Софии [13, с. 47].

«Закон Судный людем» имеет упрощенную структуру. Анализируя текст, можно видеть, что статьи не группируются по определенным вопросам (институтам и отраслям права), т. е. нет еще определенной системы в изложении правовых норм. В самом начале ст. 1 предусматриваются наказания для язычников; статьи 2 и 7а регламентируют вопрос о свидетельских показаниях; ст. 3 говорит о распределении военной добычи; статьи 4—13 посвящены половым преступлениям и особенно прелюбодеянию (с рабыней-проституткой и с чужой рабыней; прелюбодеянию, совершенному монахом; женитьбе крестного сына на крестной матери; обольщению и изнасилованию девушки; сожительству с помолвленной девушкой; брак, связанный с кровосмешением; двоеженство); ст. 14 и 15 предусматривают наказания за поджог; ст. 16 регламентирует право убежища для лица, укрывшегося в церкви, а ст. 17 — самоуправство. Далее следуют: ст. 18, посвященная свидетельским показаниям родителей и детей, господ и рабов; ст. 19 — освобождению рабов; ст. 20 — свидетельствованию по слухам; ст. 21 — вероотступничеству; ст. 22 — случайной утрате взятой внаем вещи; статьи 23—30 рассматривают различные виды квалифицированной кражи (кража во время войны; кража, совершенная рабом; кража стада; похищение вещей с мертвецов и из священных мест; похищение свободного человека); статьи 31 и 32 регламентируют основания расторжения брака [15, с. 87—109].

Константин Кирилл на основе восточной римской «Эклоги» также создал для моравского государства «Судебный закон для профанов» [5, с. 98—99].

В IX в. «Эклога» была переведена на старославянский язык. В сохранившихся переводах славянской «Эклоги» налицо существенные изменения в сравнении с текстом оригинала, который был написан на греческом языке. Самым древним списком «Эклоги», который сохранился до настоящего времени, является Афинская рукопись. На ней указана дата: «март IX индиктиона

6234 г.», что соответствует 726 г. н. э. [12, с. 16]. Славянский законодатель, будь то сербский или болгарский, не слепо копировал восточные римские законы, а заимствовал их с учетом реалий своей страны, делая их пригодными к применению. Так, в славянской редакции «Эклоги» пропущен титул XII, в котором в восточной римской редакции «Эклоги» был изложен порядок применения норм долгосрочного найма недвижимого имущества, права по которому переходят по наследству, т. е. эмфитевсис. Вряд ли следует данный пропуск считать случайным, так как в период раннего средневековья право болгар и сербов еще не регулировало общественные отношения подобного рода. Во всяком случае, об этом нет сведений в источниках права.

В славянских списках «Эклоги» отсутствуют также и постановления ст. 6 и 10 титула XIV восточной римской «Эклоги», которые регламентировали порядок допроса свидетелей по гражданским и уголовным делам. Данный пропуск также не случайность, а закономерность. В феодальном праве Болгарии и Сербии, в отличие от римского права, не было деления процесса на гражданский и уголовный.

«Эклога» состоит из 18 титулов (глав), которые излагают важнейшие положения гражданского права: вещное право, обязательственное право и наследственное право. «Эклога» является также источником семейного, уголовного и процессуального права. По характеру и содержанию «Эклога» близка к законодательству императора Юстиниана. Содержание ее норм во многом заимствовано из этого древнего источника права. К числу новых положений, составляющих содержание «Эклоги», относятся и институты права, отражающие процесс крушения государственно-правового строя древнего мира и формирования новых феодальных отношений в период средневековья.

«Эклога» как источник права была известна и на территории средневековых русских государств и Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского уже в XIII в. В пользу наших доводов свидетельствует содержание Киевского и Рязанского списков «Кормчей книги» — источника русского церковного и светского права, который датирован 1274 г. Русские исследователи Г. А. Розенкамф, И. И. Срезневский и Я. Н. Щапов независимо друг от друга установили, что вышеуказанный источник является идентичной копией сербского «Номоканона святого Саввы», а точнее его Иловичского списка, который датирован 1262 г. [7, с. 109; 8, с. 139; 9, с. 135]. Выявленные нами списки «Кормчей книги», которые были выполнены на территории средневековой Беларуси (Жировичский и Пинский списки), позволили нам согласиться с точкой зрения Г. А. Розенкамфа, И. И. Срезневского и Я. Н. Щапова, что основным источником Киевского и Рязанского списков «Кормчей книги», которые имели хождение на территории России, Украины и Беларуси, был Иловичский список «Номоканона» 1262 г. В содержании проанализированных нами источников в идентичном порядке и объеме изложены фрагменты из законодательства императора Юстиниана, «Эклоги» и «Прохирина» [16, с. 240a—249a, 267b—327b; 17, с. 240a—250a, 268a—328b]. Данный факт свидетельствует в пользу того, что процесс рецепции норм римского права в право русских средневековых государств, Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и Германии шел почти одновременно.

Наряду с «Эклогой» в странах Центральной и Восточной Европы эпохи средневековья был известен и получил относительно широкое применение другой источник восточного римского права, также регламентирующий ряд общественных отношений, — «Земледельческий закон». Он был издан во времена правления императоров-иконоборцев, вероятно, в VIII в. «Земледельческий закон» отвечал интересам формирующегося господствующего класса в недрах молодых сербского, болгарского и моравского раннефеодальных государств.

«Земледельческий закон», как и «Эклога», был переведен на старославянский язык. В частности, в 1955 г. югославский историк Д. Радойич опубликовал список южнославянской редакции «Земледельческого закона», выявленный им в архиве Хиландарского монастыря на Афоне [18, с. 15–27]. При этом текст переведенного «Земледельческого закона» был изложен письменно с учетом редакционных изменений.

В настоящее время под названием «Краткая редакция “Закона царя Юстиниана”» выявлен еще один список «Земледельческого закона» на сербском языке, который датируется XIV в. н. э. Он связан с деятельностью Стефана Душана. Следует отметить, что в «Закон царя Юстиниана» текст «Земледельческого закона» вошел не полностью, а выборочно, лишь 16 статей. Известен и русский список «Земледельческого закона». Специалисты его датируют XII — началом XIII в., поскольку он приспособлен к древнерусскому праву указанного периода [19, с. 194].

Обратим внимание на ряд основных норм и институтов средневекового права. В средневековом гражданском праве Сербии, стран Центральной и Восточной Европы, как и в восточном римском праве, важное место принадлежит статусу физического лица, его дееспособности. В средневековом гражданском праве стран Европы, в том числе Сербии, Центральной и Восточной Европы, дееспособность сводилась к способности физического лица совершать правовые сделки. Широкое применение в сербском и болгарском феодальном обществе, а также в некоторых регионах Чехии и Словакии, входивших ранее в состав Великоморавского государства, получили некоторые нормы, заимствованные из восточной римской «Эклоги», в которой указан конкретный возраст, требуемый для совершения различных правовых действий (бракосочетание, завещание, получение приданого и т. д.). Согласно «Эклоге», вступление в брак обуславливалось достижением 15-летнего возраста для мужчин и 13-летнего для женщин (ст. 1 титула II «Эклоги»; ст. 1 титула II славянской «Эклоги») [12, с. 45; 20, с. 121].

Мы имеем все основания утверждать, что указанные нормы были актуальны и для средневекового русского права. Только в собрании Государственного исторического музея в г. Москве в настоящее время находится на хранении 12 рукописей «Эклоги», которые датированы XIV—XVI вв. Наиболее древний список «Эклоги», который имел хождение в русских землях, датируется XIII в. Он является составной частью Дечанского списка «Номоканона», который был рецептирован в русское средневековое право из сербского источника. Указанный нами факт был установлен и получил известность благодаря исследованиям русского ученого, доктора исторических наук Я. Н. Щапова в 70-е гг. XX в. [9, с. 132].

В пользу влияния норм «Эклоги» на формирование категории правоспособности и дееспособности физического лица в праве средневековой Беларуси, называвшейся в те времена Великим княжеством Литовским, Русским, Жемойтским (далее — ВКЛ), свидетельствует замечание профессора Белорусского государственного университета И. А. Юхо, сделанное в монографии «Правовое положение населения Беларуси в XVI в.», которое базируется на анализе обширного ряда юридических источников. Автор утверждает, что до середины XVI в. на территории Беларуси «по церковным правилам в брак могли вступать девушки с 12–13, а юноши — с 14–15 лет» [21, с. 107]. В соответствии со Статутом ВКЛ 1566 г. брачный возраст для девушек был установлен с 15, а для юношей — с 18 лет, но в Статуте 1588 г. брачный возраст для девушек вновь устанавливался с 13 лет.

У нас также есть основание утверждать, что право средневековой Беларуси является источником рецепции ряда норм восточного римского права и для

сопредельных районов Польши. Например, в праве Мазовецкого княжества брачный возраст для мужчин наступал в 15 лет, а для женщин с 12 лет [19, с. 104]. В то же время на территории других регионов Польши данный вид правоспособности наступал для мужчин с 14 лет [22, с. 220], а источник средневекового германского права — «Саксонское зеркало» устанавливал брачный возраст для мужчин с 12 лет [23, с. 34].

Следовательно, «Эклога» на территории средневековых русских княжеств и ВКЛ так же, как и в Болгарии и Сербии, была достаточно известным источником права. В свете сказанного закономерным является тот факт, что Стоглавый собор в 1551 г. придал силу закона реципированной из «Эклоги» юридической норме, которая уже давно возымела фактическое применение в Московском государстве.

Таким образом, брачный возраст, который в период средневековья являлся критерием наступления дееспособности для физического лица, в Русском централизованном государстве с 1551 г. наступал для мужчин в 12 лет [24, с. 287]. Брачный возраст, установленный в Русском государстве Стоглавым собором, соблюдался до XVIII в. Он был изменен Петром I, установившим своим указом брачный возраст для мужчин — 20 лет, а для девушек — 17 [24, с. 437]. Правда, поскольку церковь ведала регистрацией браков, норма Стоглава действовала и была изменена для девушек лишь указом Святейшего Синода от 17 декабря 1774 г. Последний повысил их брачный возраст на один год, т. е. до 13 лет. Окончательно это постановление было отменено царским указом от 19 июля 1830 г., согласно которому брачный возраст устанавливался для мужчин — 18 лет, а для женщин — 16 лет.

Не только несовершеннолетие, но и душевная болезнь вела в соответствии со ст. 1 титула V «Эклоги» к признанию лица недееспособным. Так, в соответствии с сербским, болгарским, русским и чешским средневековым правом завещания, составленные душевнобольным лицом, не признавались законными. Из изложенного следует, что ограничения дееспособности в праве стран Центральной и Восточной средневековой Европы, в соответствии с нормами восточного римского права, устанавливались в зависимости от возраста, семейного положения, состояния здоровья (наличия или отсутствия душевных болезней) и т. д.

Обязательственные отношения, складывающиеся из договоров, в гражданском праве средневековой Сербии, Болгарии, Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и Русских княжеств также основывались на принципах восточного римского права, согласно которым одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную сумму денег (цену). В результате указанного вида договора продавец передает покупателю право собственности на проданную им вещь. В средневековых странах участие в этом виде правоотношений широких слоев населения было существенно затруднено в силу того, что зависимое население, в первую очередь крестьяне, не могли являться полноправными участниками договорных отношений. Имущество зависимых категорий населения являлось собственностью господствующего класса — светских и духовных феодалов. Следовательно, зависимое население в средневековых странах Центральной и Восточной Европы могло выступать только в роли условного владельца, который обладал ограниченной правоспособностью, в том числе и в области реализации права покупать и продавать. Реальным собственником имущества являлся феодал, который обладал правом собственности на имущество зависимого от него населения.

Из содержания постановлений «Эклоги» следует, что для заключения договора купли-продажи сербское и болгарское феодальное право не требовало соблюдения строго установленных юридических норм. К примеру, ст. 1 титула IX «Эклоги» гласит: «Письменная или устная продажа и покупка какого-либо рода и [в частности, какой-либо] вещи производится по оценке, установленной без обмана по соглашению участников. Когда же цена выплачена продавцу, а предмет торга передается покупателю, то такая продажа по изменению намерения одной из сторон не подлежит отмене. Ибо необходимо, чтобы до заключения соглашения покупатель был точно осведомлен изучением [предмета продажи] и тогда вступил в соглашение» [12, с. 58]. Значит, договор купли-продажи в праве средневековых стран Центральной и Восточной Европы, как и в восточном римском праве, осуществлялся посредством простого соглашения сторон. Он вступил в силу и порождал правовые последствия с момента достижения соглашения сторон.

Вышеизложенная норма, на первый взгляд, может стать основанием упрощенного понимания того, что достигнутое соглашение между продавцом и покупателем ни к чему их не обязывает, и лишь после того, как вещь передана, его условия становятся обязательными для обеих сторон соглашения. Однако не будем конкретную правовую норму рассматривать как универсальную, потому что указанная статья «Эклоги» (ст. 1 титула X славянской «Эклоги», ст. 1 титула IX восточной римской «Эклоги») [20, с. 132; 12, с. 58] регулирует только условия реализации договора купли-продажи за наличные деньги. В пользу нашего мнения свидетельствует ст. 2 титула IX «Эклоги» (ст. 2 титула X славянской «Эклоги») [12, с. 58; 20, с. 132]. Она предусматривает, что исполнению договора купли-продажи может предшествовать «испытание». В качестве одной из его форм предусматривался задаток. Задаток в рассматриваемый период трактовался как денежная сумма или какая-либо вещь, которая дается при заключении договора купли-продажи. Если договор не исполнялся по вине того, кто внес задаток, виновный терял его. Если договор не исполнялся по вине противной стороны, то полученный задаток должен был быть возвращен в двойном размере.

Наличие задатка при заключении договора купли-продажи показывает, что заключение и исполнение договора купли-продажи не всегда совпадали во времени. Договор купли-продажи порождал обязательства сторон не в момент исполнения, а уже в момент заключения договора.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении памятников феодального права Сербии, Болгарии, Русского государства и ВКЛ позволяет судить, что существенных ограничений для осуществления договора купли-продажи как одного из видов гражданско-правовой деятельности законодатель не устанавливал.

В условиях развития феодальных отношений институт займа формировался как составная часть залогового права. Договор займа по своему характеру отвечал интересам господствующего класса. Заимодавцами в средневековой Сербии, Болгарии, Венгрии, Чехии, Польше, ВКЛ и Русском государстве, так же как и в Восточной Римской империи, чаще всего были представители господствующего класса — феодалы, а заемщиками обычно выступали обедневшие крестьяне. Неудивительно, что нормы «Эклоги» защищали в первую очередь интересы заимодавцев. Статья 1 титула X восточной римской «Эклоги» (ст. 1 титула X славянской «Эклоги») гласит, что заемщик не имеет права требовать отсрочки уплаты долга вследствие вражеского нашествия, морского кораблекрушения или по какой-либо другой причине [12, с. 59; 20, с. 133]. Следовательно, отсрочка долга не допускалась даже в случае таких стихийных бедствий, предотвратить которые было не в силах должника. Для средневековой Болгарии и Сербии набеги врагов были обычным явлением, и в

результате таких набегов часто происходило полное разорение крестьян. Однако никакая отсрочка долга не допускалась. Заемщик должен был вернуть долг в установленный договором срок.

Широкое применение залоговых норм «Эклоги» в определенной степени объясняет ослабление обороноспособности средневекового Сербского, Болгарского, Венгерского и других государств. Массовое экономическое разорение населения вело его к экономическому и политическому закабалению представителями господствующего класса. И, как следствие, ослаблялась обороноспособность государства, так как зависимые крестьяне не обладали правом быть воинами. В связи с этим следует отметить, что в средневековом русском и чешском государствах правовые нормы «Эклоги», которые регламентировали заемные отношения, широкого применения на практике не получили. Так, институт займа получил в чешском средневековом государстве специфическое, самобытное развитие. Шляхта в силу натуральной формы ведения хозяйства операции с денежными расчетами проводила крайне редко. Процентные займы в Чехии были запрещены исходя из евангельской заповеди: «Mutuum date nihil inde sperantes» («И предоставите долг, ничего за него не требуя»). Только в период позднего средневековья, когда денежные отношения начали играть значительную роль, чешское земское право стало допускать процентные займы, по которым нередко ставки были высоки. В 1543 г. чешский сейм принял постановление, которое регламентировало данный вид деятельности, устанавливая максимальную процентную ставку по договору займа в размере 6 % годовых [6, с. 218].

При невыполнении заемщиком своих обязательств в установленный срок в соответствии с нормами «Эклоги» кредитор после нескольких предупреждений (не менее двух) имел право продать вещи, полученные в залог от заемщика. В результате реализации предмета залога из полученной суммы кредитор имел право погасить долг заемщика исходя из условий договора займа. Указанный подход к реализации института займа в немалой степени способствовал обезземеливанию, разорению крестьян, превращению их в зависимую категорию населения. Вместе с тем постановления действующих правовых актов на территории средневековой Сербии содержали в себе некоторые попытки ограничения полномочий кредитора. Например, заимодатель в соответствии с постановлением ст. 1 титула X славянской «Эклоги» не имел права брать в залог детей должника и привлекать их к работам, выполняемым рабами [20, с. 133]. Впрочем, указанная норма исполнялась формально.

Длительное время короли Сербии пытались сдерживать широкомасштабное разорение населения страны, которое вело к ослаблению обороноспособности государства. Осуществлялась политика сдерживания путем правового запрета церкви — потенциально сильного субъекта хозяйственной деятельности в стране — заниматься ростовщической деятельностью. Данная правовая традиция была заложена еще Святым Саввой, первым главой Сербской православной церкви, в главе 45 «Номоканона» («Кормчей книги») в 1219 г. [16, с. 219a] и получила дальнейшее развитие в Хрисовулах королей Милутина и Стефана Душана Хиландарскому монастырю. Ограничения на занятие ростовщичеством для Сербской церкви были сняты в 1388 г. на основании Хрисовула, выданного кесарем Грегуром Архангеловскому монастырю [25, с. 31].

Наряду с «Эклогой» в средневековых странах Центральной и Восточной Европы был известен и получил относительно широкое применение еще один источник восточного римского права — «Земледельческий закон», который как и «Эклога» представлял собой правовые акты феодальной эпохи, в основе которых лежали Законы Юстиниана. В указанных источниках договор найма вещи трактовался как договор, в силу которого одна сторона уступает другой

не право собственности, а только право временного пользования вещью за определенное вознаграждение. Договор заключался посредством простого соглашения сторон, без соблюдения какой-либо определенной формы. Согласно ст. 1 титула XIII «Эклоги» (ст. 1 титула XII славянской «Эклоги») [12, с. 62; 20, с. 134], договор найма не мог заключаться на срок более 29 лет.

Формирование феодальных отношений способствовало более широкому утверждению института найма (аренды) в сфере землепользования у южных славян. Поэтому в феодальной Болгарии и Сербии широкое влияние приобрел восточный римский «Земледельческий закон», который использовался наряду с «Законом царя Юстиниана» (статьи 13, 14) для регулирования отношений, связанных с землепользованием. Указанные источники права регламентировали два вида арендных отношений: *испольщину* и *мортитство* [26, с. 207–208].

При *испольщине* тот, кто взял внаем для обработки участок земли, должен был отдать наймодателю половину полученного урожая. *Мортит*, в свою очередь, возвращал наймодателю одну десятую урожая. Это дает основание полагать, что *мортит* работал со своим инвентарем, засеивал землю своими семенами и т. д.

Нормы, регулирующие права и обязанности сторон по договору, защищают интересы наймодателя, который обычно был представителем господствующего класса.

Наймодатель был обязан заботиться об имуществе, как хороший хозяин. «Земледельческий закон» предусматривал, что если *испольщик*, который нанял для обработки какой-либо виноградник, не заботился о нем как следует, не окапывал его, не огораживал, то он ничего не должен был получать из урожая (ст. 13). Если *испольщик*, нанявший поле, засеет его, не распахав предварительно, то он не получит ничего из урожая (ст. 12) [27, с. 235–236].

В «Земледельческом законе» проявлялась забота о получении прибыли землевладельцем. Согласно ст. 8, если наниматель-*мортит* отмерит причитающуюся наймодателю часть урожая без ведома последнего, то он (наниматель) лишается всего урожая [27, с. 235]. Здесь санкцией является не только возмещение убытков, но и полное лишение нанимателя-*мортита* какой бы то ни было выгоды, связанной с заключенным договором.

Статья 1 «Земледельческого закона» дает возможность *испольщику* делать некоторые отступления от заключенного договора. Однако он должен сделать заявление об этом до начала работы. Предоставляя такое право, закон обеспечивал землевладельцу-наймодателю возможность самому обрабатывать свой участок земли или сдавать его внаем другому лицу. Таким образом, соблюдались государственные интересы, которые выражались в сборе налогов (десятины) и защите интересов землевладельца. Статья 13 «Земледельческого закона» гласит, что если *испольщик* взял землю «исполу» у земледельца в его отсутствие (следовательно, не имеет возможности обрабатывать землю и заботиться о ней), то этот *испольщик*, если он не обрабатывает земельный участок, должен уплатить наемную плату в двойном размере [27, с. 236]. Следовательно, в отсутствие наймодателя *испольщик* не имеет возможности отступить от условий договора найма.

Договоры о найме рабочей силы и подряда (договор, имеющий своим предметом достижение определенного результата труда) не были широко распространены в средневековой Болгарии и Сербии. Это объясняется тем, что господствующий класс феодалов в то время пользовался трудом зависимых (крепостных) крестьян, а государственная власть предпочитала устанавливать многообразные повинности на своих подданных, что обеспечивало ей возможность не прибегать к широкомасштабному использованию наемной рабочей силы.

На практике чаще применялся договор подряда. Ремесленники во времена средневековья работали преимущественно по поручению заказчика, и договоры, которые определяли вид их деятельности, являлись договорами подряда. Об этом свидетельствует полная редакция «Закона Судного людем», из которого следует, что если портной испортит материал вследствие неумения шить или злонамеренности, то он должен быть избит и лишен вознаграждения.

Литература

1. *Андреев, М. Н.* История на българската държава и право / М. Н. Андреев, Д. С. Ангелов. — 2-ро прераб. и доп. изд. — София : Наука и изкуство, 1959. — 416 с.
2. *Новаковић, С.* Средњовековна Србија и римско право / С. Новаковић // Архив за правне и друштвене науке. — 1906. — Књ. 1. — С. 209–226.
3. *Новаковић, С.* Матије Властара Синтагмат азбучни зборник византијских црквених и државних закона и правила, словенски превод времена Душанова / С. Новаковић. — Београд : Српска краљевска академија, 1907. — 621 с.
4. *Соловјев, А.* Значај византиског права на Балкану / А. Соловјев // Годишњица. — 1928. — Књ. XXVII. — С. 95–141.
5. *Bilý, J. L.* Právní dějiny na území České Republiky / J. L. Bilý. — Praha : Vydalo Linde Praha, 2003. — 474 s.
6. *Ванечек, В.* История государства и права Чехословакии / В. Ванечек. — М. : Юрид. лит., 1981. — 504 с.
Vaneček, V. Istorija gosudarstva i prava Chekhoslovakii [History of the state and law of Czechoslovakia] / V. Vaneček. — М. : Yurid. lit., 1981. — 504 p.
7. *Розенкампфъ, Г. А.* Обозръние кормчей книги въ историческомъ видъ / Г. А. Розенкампфъ. — М. : Общество истории и древностей российскихъ при Императорскомъ Московскомъ университетъ, 1829. — 154 с.
8. *Срезневский, И. И.* Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вѣковъ) / И. И. Срезневский. — 2-е изд. — СПб. : Императорская академия наукъ, 1882. — 390 с.
9. *Щапов, Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. / Я. Н. Щапов. — М. : Наука, 1978. — 292 с.
Shchapov, Ya. N. Vizantiyskoe i yuzhnoslavyanское правовое nasledie na Rusi v XI—XIII vv. [Byzantine and South Slavic Legal Heritage in Russia in the 11th–13th Centuries] / Ya. N. Shchapov. — М. : Nauka, 1978. — 292 p.
10. *Ермолович, В. И.* Рецепция норм римского права в правовую систему Великого княжества Литовского / В. И. Ермолович // Белорусская государственность и развитие национальной правовой системы: от Статута 1588 года до современной Конституции. — Минск : Веды, 2008. — С. 37–39.
Ermolovich, V. I. Retseptsiya norm rimskogo prava v pravovuyu sistemuu Velikogo knyazhestva Litovskogo [Reception of the norms of Roman law into the legal system of the Grand Duchy of Lithuania] / V. I. Ermolovich // Belorusskaya gosudarstvennost' i razvitie natsional'noy pravovoy sistemy: ot Statuta 1588 goda do sovremennoy Konstitutsii. — Minsk : Vedy, 2008. — P. 37–39.
11. *Ермолович, В. И.* Влияние источников отечественного и зарубежного права на формирование Статута Великого княжества Литовского 1529 года / В. И. Ермолович // Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года — падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыяналізму (да 480-годдзя прыняцця) : зб. навук. арт. — Минск, 2009. — С. 64–71.
Ermolovich, V. I. Vliyanie istochnikov otechestvennogo i zarubezhnogo prava na formirovanie Statuta Velikogo knyazhestva Litovskogo 1529 goda [Influence of sources of domestic and foreign rights to form the Statute of the Grand Duchy of Lithuania in 1529] / V. I. Ermolovich // Statut Vyalikaga knyastva Litouskaga 1529 goda — padmurak razvitstsiya belaruskay dzyarzhaunastsi i kanstytutsyyanalizmu (da 480-goddzya prynyatstsiya) : zb. navuk. art. — Minsk, 2009. — P. 64–71.
12. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Лишниц. — М.: Наука, 1965. — 226 с.
13. *Ермолович, В. И.* Источники феодального права южнославянских народов / В. И. Ермолович // Правовые системы: история и современность: материалы межвуз. науч.-практ. конф., Минск, 5–6 янв. 2001 г. / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: В. А. Витушко [и др.]. — Минск, 2001. — С. 44–49.

Ermolovich, V. I. Istochniki feodal'nogo prava yuzhnoslavyanskikh narodov / V. I. Ermolovich [Sources of Feudal Law of the South Slavic Peoples] // Pravovye sistemy: istoriya i sovremennost': materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf., Minsk, 5–6 yanv. 2001 g. / Belorus. gos. ekon. un-t ; redkol.: V. A. Vitushko [i dr.]. — Minsk, 2001. — P. 44–49.

14. *Андреев, М.* История Болгарского государства и права / М. Андреев, Д. Ангелов. — М. : Издательство иностран. лит., 1962. — 456 с.

Andreev, M. Istoriya Bolgarskogo gosudarstva i prava [History of the Bulgarian State and Law] / M. Andreev, D. Angelov. — М. : Izdatel'stvo inostran. lit., 1962. — 456 p.

15. Закон Судный людем пространной и сводной редакции / под ред. М. Н. Тихомирова. — М. : АН СССР, 1961. — 281 с.

16. Архив Югославской академии наук и искусств в г. Загребе. — Ф. 3. Оп. 1. Д. 9. Законоправило или Номоканон Светога Саве. Иловички препис 1262 година. — 400 л.

17. Библиотека Литовской академии наук. — Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. № 243. Белорусская «Кормчая книга». Жировицкий список 1609 г. — 735 с.

18. *Радојчић, Њ.* Српски рукопис земљорадничког закона / Њ. Радојчић // Зборник радова Византолошког института Српска академија наука. Кн. 3. — Београд, 1955. — С. 15–27.

19. *Дунин, К.* О мазовецкомъ правѣ. Магистерская диссертация : 2 ч. / К. Дунин. — Ч. 1. — Варшава, 1876. — 246 с.

20. *Бобчевъ, С. С.* Старобългарски правни паметници : в 2 ч. / С. С. Бобчевъ. — София : Печатница на П. М. Базайтовъ, 1903. — Ч. 1. — 176 с.

21. *Юхо, И. А.* Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. / И. А. Юхо. — Минск : Изд-во БГУ, 1978. — 144 с.

Yukho, I. A. Pravovoe polozhenie naseleniya Belorussii v XVI v. [Legal status of the population of Belarus in the XVI century] / I. A. Yukho. — Minsk : Izd-vo BGU, 1978. — 144 p.

22. *Plaza, S.* Historię prawa w Polsce na tle porównawczym : w 3 cz. / S. Plaza. — Wyd. 2-e poprawione. — Kraków : Księgarnia Akademicka, 2002. — Cz. 1. — 630 s.

23. Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования / под ред. акад. АН УССР В. М. Корецкого. — М. : Наука, 1985. — 272 с.

24. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. — М. : Юрид. лит., 1984–1990. — Т. 2. — 1985. — 520 с.

25. *Ермолович, В. И.* Право средневековой Сербии (XII–XV вв.) / В. И. Ермолович. — Минск : БГЭУ, 2003. — 120 с.

Ermolovich, V. I. Pravo srednevekovoy Serbii (XII–XV vv.) [The right of medieval Serbia (XII – XV centuries)] / V. I. Ermolovich. — Minsk : BGEU, 2003. — 120 p.

26. Древняя редакция «Закона царя Юстиниана». По Ходошскому списку XV в. // Памятники законодательной дѣятельности Душана царя Сербовъ и Грековъ: Хрисовулы. Сербскій Законникъ. Сборники византійскихъ законовъ / Т. Д. Флоринский. — Киев : Императорскій университет Св. Владиміра, 1888. — С. 204–211.

27. Византийский Земледельческий закон / под ред. И. П. Медведева. — Л. : Наука, 1984. — 280 с.

Окончание в № 2 2020 г.

VIKTAR YERMALOVICH

***THE IMPACT OF THE NORMS OF EASTERN ROMAN LAW
ON THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION IN MEDIEVAL
SERBIA, CENTRAL AND EASTERN EUROPE (10th–15th c.)***

Author affiliation. *Viktar YERMALOVICH* (jermalovich@gmail.com), *Belarus State Economic University (Minsk, Belarus)*.

Abstract. The article focuses on the process of law development in the medieval states of Central and Eastern Europe. The author proves that the law of the new countries of Medieval Central and Eastern Europe (Serbia, Bulgaria, Great Moravia, Hungary, Poland, the Grand Duchy of Lithuania, Ruthenia, Samogitia, and the Russian Princedoms) adopted a number of norms and institutes of the Emperor Justinian's legislation, the Eclogue and the Farmer's Law. The influence of the rules of Eastern Roman law on the formation of medieval law of Russian lands and the law of the Grand Duchy of Lithuania, Ruthenia, Samogitia is considered. In particular, the tendency concerned is traced using the example of Extensive Edition of "Russkaya Pravda", "Pskovskaya Sudnaya Gramota" and Belarusian edition of Kormchaya kniga. The systematic and comparative analysis of the institutes of liability law, heredity law, marriage and family law in the legislation of medieval Serbia, countries of Central and Eastern Europe and in the sources of Eastern Roman law has been carried out.

Keywords: norms of law; institutes of law; legal capacity and capability of natural persons; liability legal relations; inheritance; countries of Medieval Central and Eastern Europe.

UDC 34 (47) (091)

---

*Статья поступила
в редакцию 06.03. 2019 г.*

Л. А. БЕРЕЗЮК

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА В НОЧНОЕ ВРЕМЯ

В статье анализируется правовое регулирование работы в ночное время в исторической ретроспективе, а также его современное состояние. Автором раскрываются вопросы предоставления правовых гарантий работникам, привлекаемым к работе в ночное время. Проводится сопоставление норм трудовых кодексов стран СНГ, регламентирующих ночной труд. На основании исследования делается вывод о необходимости внесения изменений и дополнений в законодательство о труде Республики Беларусь.

Ключевые слова: ночное время; ночная смена; ночной труд; рабочее время; компенсация; правовые гарантии; семейные обязанности.

УДК 349.235

Введение. Повышенное внимание к проблемам регулирования работы в ночное время прослеживается при анализе и национального, и международного опыта. Так, ночной труд был важнейшим объектом правового регулирования с момента становления фабричного законодательства на территории Беларуси. В частности, посредством фабричного законодательства

Лилия Анатольевна БЕРЕЗЮК (2505624@gmail.com), ассистент кафедры государственно-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).